

Илья Старых

Пепельный Меридиан

Илья Старых

Пепельный Меридиан

«Автор»

2026

Старых И.

Пепельный Меридиан / И. Старых — «Автор», 2026

Он появился из ниоткуда — посреди тайги, в эпицентре аномалии, природа которой не поддаётся объяснению. Его прошлое — сплошной пробел, а будущее уже расписано тайной организацией, которая уже имеет на него свои планы. Но он не намерен быть просто пешкой: шаг за шагом он учится управлять собственным телом и собирать по крупицам правду о себе. Сможет ли он переиграть загадочных кукловодов и раскрыть тайну происхождения — или чужая воля окажется сильнее?

© Старых И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Интерлюдия	15
Часть 2	16
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Илья Старых

Пепельный Меридиан

Пролог

В ту ночь генерал-майора Полтавина разбудил звонок по выделенной линии. Игнорирование такого звонка хоть и не приравнивалось к государственной измене, но могло привести к лишению всех званий, пенсии и имущества, поэтому Полтавин, сжав зубы и дохромав до аппарата, поднял трубку.

— Товарищ генерал-майор, экстренное совещание, ситуация уровня «Гамма». Требуется личное присутствие на объекте «Вымпел». Вертолёт уже в пути. Готовность — 25 минут, — отчеканил динамик.

— Так точно, — пробубнил Полтавин и положил трубку.

За всю его карьеру подобные вызовы случались не так уж редко, но в последнее время достаточно было, надев рубашку и китель, поприсутствовать на видеоконференции, покивать головой с важным видом, раздать указания и со спокойной душой лечь спать. А тут ещё и "вертушку" за ним отправили... Неужели всё так плохо? «Гамма». Её не было уже лет тридцать. А ведь именно ликвидация её последствий дала толчок его карьере ... и лишила ноги. С тех пор бионический протез, хоть и продвинутый, доставлял неудобства, а фантомные боли не переставали напоминать Полтавину о тех событиях.

Через полтора часа вертолёт был на подлёте к объекту. Никаких посадочных огней, никакой площадки — только узкая просека и строение вдаль, похожее на заброшенный бункер. Вертолёт сел в нескольких метрах от него. Створки дверей распахнулись, и на поляну высыпали вооружённые до зубов военные, держа на прицеле того, кто собирался выйти. Увидев генерал-майора, с трудом спускающегося по трапу, они опустили оружие, отдали честь и, дождавшись его, двинулись обратно, в недра объекта «Вымпел».

Лифт спустил его на девять этажей вниз. Пройдя по коридору, он вошёл в экранированный конференцзал, где уже находился весь офицерский состав, включая генерала Клюквина. Генерал махнул рукой, отменяя формальности, и указал на пустое кресло за столом. Усевшись, Полтавин заметил, что, помимо военных, в зале присутствовало ещё несколько незнакомых ему человек в штатском. «Скорее всего, учёные или консультанты», — подумалось ему. Они носились из одного конца комнаты в другой, показывали друг другу экраны коммуникаторов, сверяли бумаги и полушёпотом переговаривались.

— Товарищи офицеры, господа учёные, — начал генерал без долгих вступлений. — У нас ситуация «Гамма». Семь часов назад в лесах сибирской тайги произошёл взрыв, повлёкший полное отключение электроэнергии в населённых пунктах в радиусе двухсот километров от эпицентра, а также разрушение лесного массива, деформацию рельефа бог ещё знает что в радиусе десяти километров. Георгий Степанович, новой информации со спутников не появилось?

Один из учёных встал и, семеня к кафедре, на ходу поправил очки.

— Ну, во-первых, не двести километров, а сто девяносто два... — Он запнулся, наткнувшись на тяжёлый взгляд генерала, и поспешно продолжил: — Площадь поражения биомы — девять километров. Полное отсутствие жизненных форм. Истончение озонового слоя над очагом. Больше данных нет, нужны полевые исследования и больше времени...

В этот момент один из коллег подскочил к нему с коммуникатором:

— Георгий Степанович, гляньте...

Тот взглянул на экран, снял очки, протёр их и, водрузив обратно, тихо произнёс:

— В эпицентре... там человек. Или что-то похожее на человека. Гуманоид или...

Договорить он не успел. Дверь отворилась, и на пороге возник незнакомый силуэт: мужчина лет сорока, седые волосы, небольшая аккуратная бородка, круглые слегка затемнённые очки. Все присутствующие видели его впервые. Все, кроме одного. Генерал, увидев незнакомца, закатил глаза и одними губами выдал короткую, но очень меткую бранную тираду.

— Ты кто, мать твою, такой? Дверью ошибся?! — начал вставать с места Полтавин, криясь от внезапной боли в ноге, но был остановлен резким жестом генерала и был вынужден сесть обратно, не сводя глаз с гостя.

— Я тот, о ком вам, уважаемый, лучше прямо сейчас забыть, — равнодушно ответил мужчина мягким бархатным голосом, медленно и уверенно проходя мимо учёных и по очереди заглядывая в их отчёты.

— Всем сидеть! — гаркнул генерал, видя, как его подчинённые, не привыкшие к такой наглости, начинают расстегивать кители и отодвигаться от стола с намерением проучить наглеца.

Недоумевающие военные, переглянувшись, придвинулись обратно к столу.

Следом за незнакомцем в комнату вошли ещё трое. Они были облачены в композитную броню абсолютно чёрного цвета, а лица скрыты шлемами с визорами неизвестной конструкции. Ни единого опознавательного знака или признака, позволяющего определить их причастность к какой-либо группировке. Полтавин сразу обратил внимание, что и оружия при них не было, а от этого становилось вдвойне не по себе даже ему. Они двигались синхронно, будто марионетки, ведомые искусным кукловодом, и, войдя, сразу направились в сторону учёных.

— Уважаемые научные сотрудники, огромная просьба не оказывать сопротивления моим людям и строго выполнять инструкции. Вам ничего не угрожает, — оторвавшись от изучения данных, обратился гость к учёным и обернулся к Клюквину: — Генерал, оцепите место инцидента, организуйте зону отчуждения в радиусе пяти километров. Населению расскажите какую-нибудь сказку, вы это умеете. У вас сутки. Обо всём докладывать мне лично. Всё понятно?

Генерал сидел с каменным лицом, наблюдая, как «чёрные» пытаются взаимодействовать с вяло сопротивляющимися учёными. Он встретился взглядом с Георгием Степановичем и едва заметно кивнул, давая понять, что сейчас лучше повиноваться. Тот кивнул в ответ, прошептал что-то своим коллегам, и они вразнобой двинулись к выходу, по очереди сдавая «чёрным» материалы исследований.

— Генерал, вы всё поняли? — повторил вопрос неизвестный.

— Так точно, — процедил военный.

— Ну вот и славно, — улыбнулся незнакомец и, убедившись, что последний учёный покинул комнату, он отсалютовал военным: — До новых встреч!

Это звучало не как прощание, а как приговор. И Клюквин, и Полтавин понимали это как никто другой. Гость по-свойски махнул рукой генералу и захлопнул за собой дверь.

Часть 1

Глава 1

«Внимание! Зафиксирована мозговая активность в камере 26 сектора «Гамма». Дежурным сотрудникам срочно явиться на место инцидента. Внимание! Зафиксирована мозговая активность в камере 26...»

Барабанные перепонки будто взорвались от нахлынувших звуков. Синтезированный голос, сообщающий, что у кого-то заработал мозг, — это не совсем то, что хочется услышать в первые секунды жизни.

Так, минуто. Я ведь только что пришёл в себя. Может, это мой мозг заработал? А почему он до этого не работал? И где я? И кто я, в конце концов?

Вопросы молниями проносились в голове и исчезали, так и не найдя ответа. Я не мог вспомнить абсолютно ничего о себе. Кажется, такое состояние называют амнезией. А тот мерзкий голос, доносившийся будто из-за стены, был похож на звук динамиков, а не живого человека.

Я ведь знаю, как звучит человек? И речь я понимаю. Значит, забыл я не всё... Выходит, это может быть автобиографической амнезией, при которой я помню всё, кроме информации о себе.

Ладно, с этим разберёмся позже. Сейчас надо понять ситуацию.

Следовало бы открыть глаза, но что-то подсказывало, что пока не стоит демонстрировать своё ясное сознание: неизвестно, что или кто меня окружает, и какие имеет намерения.

Итак. Я в горизонтальном положении. Это мне подсказал вестибулярный аппарат, о котором, как оказалось, я знал абсолютно всё. Я даже мог в какой-то мере ощутить, как эндолимфа перетекает по полукружным каналам внутри него. А что это рядом? Улитка внутреннего уха... В ней кортиева орган... А дальше преддверно-улитковый нерв... Откуда, мать его, я всё это знаю? Не просто знаю, а натурально ощущаю!

Помимо этого, сосредоточившись, я мог провести диагностику любого участка своего тела, будь то орган, ткань или клетка. Вот импульс идёт по лучевому нерву. А вот небольшое изменение кровотока в коже на запястьях.

Странное ощущение — чувствовать себя не одним целым существом, а полноценной системой, состоящей из огромного количества элементов, каждый из которых был мне знаком, словно я сам его спроектировал. Я не уверен, но, кажется, далеко не все люди так умеют. Память подкинула термин «интероцепция». Ну да, обычный человек в лучшем случае чувствует, что кишки крутит. Но я-то ощущаю абсолютно всё, и при таком раскладе мой мозг уже должен был сгореть от объёма информации. Тогда как я это делаю? От осознания неправильности всего этого меня передёрнуло. Хотелось стряхнуть это ощущение, как налипшую грязь, но появились более важные проблемы.

Мне дико захотелось есть и пить. Тело не просто говорило — оно орало в рупор, что ему нужно топливо. И вот ведь ирония: я могу отследить, как работает каждая клетка, но не могу отключить самый примитивный модуль — голод. Будто меня собирали по лучшим чертежам, а инструкцию «как не хотеть есть» потеряли ещё на складе.

Если я в ближайшее время не пополню внутренние резервы, то жить мне осталось всего ничего. Уже не было времени притворяться спящим.

Открыв глаза, я невольно ощутил, как свет прошёл через зрачок и стекловидное тело, попал на сетчатку и ушёл по зрительному нерву в мозг. Скажу честно: незабываемое ощущение. Сначала резкая боль, а следом за ней — умиротворяющее чувство, что всё работает как

надо. Должно быть, новорождённые дети чувствуют нечто подобное. Только у них хотя бы имя потом появляется. А у меня пока даже этого нет.

Сначала я не видел ничего, кроме размытых пятен света, пробивающихся сквозь окружающую тьму, но пару мгновений спустя глазной аппарат начал адаптироваться, и окружение стало приобретать более-менее узнаваемые очертания. Изначально ослепительный свет, как оказалось, исходил от нескольких тусклых круглых ламп, встроенных в потолок, — ими же и ограничивалось моё поле зрения.

Впервые ощутив нужные для движения мышцы и кости, я попытался повернуть голову, но не смог. Что-то снаружи мешало мне шевелиться. Обратившись к своей необычной способности, я, если можно так сказать, отправил запрос механорецепторам в коже, отвечающим за восприятие давления, и выяснил, что моя голова, конечности, грудь и таз скованы какими-то необычными пластинами. Они практически не ощущались, но при малейшем движении намертво фиксировались на месте. Интересная технология. Не припомню такой. Хотя, честно говоря, моя память сейчас годится разве что для проверки работы рефлексов.

Кому и зачем понадобилось приковывать меня таким хитрым способом? Может, я опасный преступник, обладающий важной информацией, и впереди меня не ждёт ничего, кроме бесконечных пыток и допросов? А я ведь даже не смогу им ничего сказать, потому что ничего не помню. Только вот попробуй докажи им... А кому «им»? И снова вопросы без ответов.

Внезапная резкая тишина вывела меня из раздумий. Голос, информировавший всех вокруг об обнаружении, скорее всего, действительно моей мозговой активности, вдруг затих. Через несколько мгновений раздался другой звук — похожий на работу сервомоторов или пневмоприводов, о которых я, как выяснилось, тоже кое-что знал. Ну конечно. Чего там, я же ходячая энциклопедия. Только без самого важного раздела.

Терморецепторы уловили лёгкое изменение температуры воздуха где-то сбоку от меня.

Я замер, прислушиваясь к звукам.

«Ну что ж, — подумал я, — вот и момент истины.»

Глава 2

Как я и предполагал, открылась дверь, и в комнату кто-то вошёл. В тот же миг поверхность, к которой я был прикован, пришла в движение. Сначала она плавно приняла вертикальное положение, затем начала распадаться на сегменты, а участки под руками и ногами выдвинулись вперёд, формируя подобие кресла. Я дождался, пока трансформация закончится, и только тогда смог хоть немного осмотреться.

Круглая комната с металлическими хромированными стенами. В её центре — я. Напротив — ещё одно кресло, чуть меньше моего, монолитное, будто отлитое из металла и составляющее единое целое с полом. К нему подошёл человек в герметичном ярко-оранжевом костюме с огромным цилиндрическим шлемом и сел. Его матовый лицевой щиток был обращён на меня.

— Здравствуйте. Вы меня понимаете? — спросил он, нарочно растягивая слоги, словно обращался к умалишённому.

Я кивнул и едва заметно улыбнулся. В голове тут же мелькнула дерзкая мысль: как же ему будет неловко, когда выяснится, что я не только всё понимаю, но и могу выдать на его же языке такую порцию матерных частушек, что никакой скафандр не спасёт.

— Хм... Очень хорошо, — ответил он, и в голосе проскользнуло лёгкое замешательство. — Я профессор Круглов Виталий Завьялович, дежурный куратор вашей камеры. У вас есть имя?

Я промолчал.

— Вам понятен вопрос?

— Мне нечего вам ответить, профессор, — произнёс я; голос звучал неровно — я всё ещё привыкал к собственному голосовому аппарату. — Я не помню о себе ровным счётом ничего.

— Ничего? Ни имени, ни откуда вы, ни кто вы?

— Да, именно так, — уже ровнее ответил я и, не в силах больше сдерживаться, добавил: — Скажите, профессор, у вас есть какая-нибудь еда? Если я сейчас не поем, наша беседа закончится быстрее, чем вы думаете.

Круглов, явно не ожидавший от меня такой прыти, на несколько секунд замер. Послышался тихий шорох костюма — будто он нервно поправил что-то внутри скафандра.

— А что вы едите? На нашей планете может не быть вашего привычного рациона...

Несмотря на дикий голод, меня начал изрядно веселить ход его мыслей. Он всерьёз убеждён, что я пришелец. Будь мой организм не так истощён, я бы расхохотался. Но сейчас было не до смеха.

— Если есть выбор, я бы не отказался от чего-нибудь похожего на котлету, — выпалил я первое, что пришло в голову.

— Котлету? — тупо повторили динамики скафандра.

— Ну да. Такая шайба из измельчённого мяса. Её обычно жарят на масле. Или просто кусок жареного мяса. Или..

— А на гарнир? Макароны? — перебил он меня.

Я не мог понять: он издевается или действительно пытается прощупать уровень моей осведомлённости в кулинарии. Хотелось верить, что второе — всё-таки он профессор.

— Было бы лучше картофельное пюре, — ответил я, в очередной раз ощущая всю абсурдность этого диалога и ещё больший голод.

В помещении повисла тишина, нарушаемая лишь едва уловимым потрескиванием динамиков на костюме учёного.

— Можно хотя бы воды, — решил нарушить паузу я, понимая, что загоняю учёного в тупик.

— Да, с этим будет попроще, — кивнул скафандр и принялся нажимать на сенсор у себя на запястье.

Из-за моего плеча бесшумно вынырнула пластиковая трубка, на конце которой повисла капля воды. Не раздумывая, я схватил её губами и начал жадно втягивать влагу. Вода прокатывалась по пищеводу, наполняя желудок, и я чувствовал себя губкой, готовой впитать весь мир. Казалось, я мог пить вечно. Учёный, видимо, подумав, что я действительно способен осушить всю планету, снова ткнул пальцем в запястье, и трубка бесшумно исчезла.

— Теперь вы готовы продолжать? — снова подал голос учёный.

Я, уже начавший снова уходить в себя, чтобы каждой клеткой тела прочувствовать возвращение жизни, был вынужден вернуться к реальности и кивнул.

— Повторюсь, — начал я, — на любой вопрос, который вы мне зададите, у меня не будет ответа.

— Тогда позвольте, я расскажу вам.

И он рассказал. Ровно пять месяцев назад в лесах Восточной Сибири возникла аномалия, сопровождавшаяся мощнейшим электромагнитным импульсом. Когда на место прибыли сотрудники спецслужб, посреди тайги они обнаружили многокилометровый очаг выжженной земли. В пределах очага практически полностью отсутствовала живая органика — ни растений, ни животных, ни даже плодородного слоя почвы. Только пустынная равнина, заваленная толстым слоем пепла неизвестного происхождения и состава. Воздух был разрежён, радиационный фон — критическим: находиться там без защитного костюма было невозможно. Меня обнаружили прямо в центре поражённой зоны и доставили на засекреченный объект для наблюдения и изучения.

С тех пор я пребывал в состоянии, похожем на кому, но более автономном. Мне не требовались ни еда, ни вода — организм просто существовал. Сердце слабо билось, кровь циркулировала, но следов некроза тканей или потребности в нутриентах не было. При этом мозговая активность не фиксировалась — и лишь сегодня впервые дала о себе знать. Я был чем-то сродни куколке, которая полностью изолирована от мира, но продолжает жить, гоняя по кругу одни и те же вещества внутри себя.

Мониторинг жизненных функций вела умная платформа — та самая, что сейчас превратилась в кресло подо мной. Как я позже узнал, она же служила и полиграфом, передавая данные о моих ответах на внутренний дисплей учёного.

Спустя несколько месяцев бесплодных попыток привести меня в чувство или узнать что-то новое, было принято решение приостановить активную фазу исследований, перейти на фоновый сбор данных о моём состоянии и законсервировать исследования. Персонал уже начал забывать о моём существовании, пока сегодня я не ворвался со своей внезапной активностью в их спокойную и размеренную научную жизнь.

— И... что теперь делать? — спросил я, пытаюсь уложить всё услышанное в голове.

— Боюсь, — ответил учёный, доставая из кармана пульт и нажимая на кнопку, — вариантов у вас немного. Пока мы не поймём, что с вами происходит, вы останетесь здесь.

Круглов направился к двери, у выхода замер, будто хотел добавить что-то ещё, и произнёс:

— Мы разберёмся. Обязательно.

Дверь закрылась. Комната снова стала идеально круглой и идеально пустой.

Глава 3

Я вновь остался наедине с собой. И что теперь? Расслабиться и получать удовольствие? Обстановка, увы, к этому не располагала: голод становился всё сильнее, хоть вода ненадолго и притупила его, а скованные конечности не добавляли спокойствия и уверенности. Вдобавок ко всему, еще и нос зачесался.

Внезапно из-за плеча к лицу снова протянулась пластиковая трубка. Я, недолго думая, забыв обо всем, снова приник к ней губами и с удивлением обнаружил, что на этот раз там вовсе не вода. До жути приторный вкус ударил по вкусовым рецепторам — будто растворимый кофе с тройной порцией сахара и таким же количеством ванильного сиропа. Первым желанием было сплюнуть эту гадость, но желудок, в который попала загадочная жидкость, внезапно возликовал, и тут меня осенило. Питательная смесь! Не котлета с пюрешкой, конечно, но тоже сойдёт. Хотя, судя по вкусу, её разрабатывал тот же гений, что когда-то придумал «клубничный борщ» и пиццу с ананасом.

В очередной раз уйдя в себя, я прислушался к ощущениям. Смесь включала белки, жиры, углеводы, кучу витаминов и минералов и бог знает сколько ещё полезных и так нужных мне сейчас нутриентов. Весьма и весьма недурно.

Меня вдруг посетила мысль: если я могу неведомым образом чувствовать своё нутро, то, может, и на его работу я смогу повлиять? Например, ускорить пищеварение. Стоило мне лишь подумать о том, как я могу воздействовать на желудочно-кишечный тракт, как осознание пришло само — будто это чуть позабытое умение, как езда на велосипеде.

Я сосредоточился и мысленно дал команду на ускорение усвоения. Десять секунд — и в животе разлилось тепло: кровь прилила к стенкам кишечника. Затем пришло лёгкое покалывание — ворсинки оживали, захватывая каждую молекулу. Ферменты замелькали, как быстрые ножницы, разрезая сложные соединения. Транспортные белки вытянули «руки», хватая аминокислоты.

Всё ускорилось в разы. Я чувствовал, как глюкоза рванула к мозгу, а электролиты устремились к сердцу и мышцам, снимая тянущую боль в плечах. Аминокислоты пошли в ткани, а гликоген отправился в печень — создавать запас. Тело наполнялось энергией, но вместе с этим пришла и цена: во рту пересохло, а в висках застучало. Ускоренный метаболизм требовал ресурсов — и брал их из последних запасов.

Продолжая наслаждаться тем, как мой организм начинает расцветать, я и не заметил, как начал проваливаться в сон. Позже я выяснил, что такие глобальные манипуляции с организмом сильно перегружают нервную систему — она просто уходит на перерыв. Интересный и довольно важный предохранитель. Но сейчас не об этом.

Я видел сон. Первый в своей жизни. Сначала я не увидел ничего особенного — лишь тьма. Затем сквозь пелену стали проступать созвездия и туманности. А потом посреди всего этого, рассекая сущее надвое, возник он — Меридиан. Бесконечный поток света, тянущийся от одного конца вечности к другому и выплевывающий в космос то тут, то там клубы неизвестного вещества, похожего на пыль или сажу. Он пульсировал, словно сердце вселенной. Не просто луч света, а ось мироздания — величественная и фундаментальная. Я чувствовал себя песчинкой перед циклопической архитектурой, которую не мог ни понять, ни объять. И всё же где-то в глубине души я знал: это не просто луч света. Он — ключ ко всему: к моему прошлому, настоящему и будущему. Он — ответ на всё.

Вдруг острая, колющая боль взорвалась в руке — будто раскалённая игла пронзила вену насквозь и потянула за собой кровь, вырывая меня из объятий сна. Я дёрнулся, но фиксаторы, активировавшись, впились в руки. Перед глазами вспыхнули искры. Открыв мутные глаза

и повернувшись, я увидел почти перед самым своим лицом забрало скафандра — такого же, как у Круглова, но синего.

— Твою мать, он очнулся, уходим! — донеслось из динамика.

«Синий» выдернул из моей вены шприц с иглой и рванул к выходу, на бегу открывая с помощью пульта дверь. А следом за ним из-за моей спины выпрыгнул второй.

Дальше всё произошло в мгновение ока. Дверь открылась, и навстречу «синим» влетел... «чёрный»? Его скафандр больше напоминал броню: защитные вставки с многочисленными сколами по всему телу, круглый шлем, похожий на боевой, но герметичный, с замкнутой системой дыхания. Движения его были чёткими, механическими, без намёка на эмоции — будто он не человек, а машина. Одной рукой он откинул одного из «синих» в дальний конец комнаты с такой силой, что тот врезался в стену и осел на полу безжизненным кулем. Второго, что тыкал в меня шприцем, он просто взял за грудки, одной рукой поднял вверх и застыл, глядя на него через забрало.

Я медленно приходил в себя, пытаюсь разобраться в происходящем. Ну да, конечно. Просто обычный день.. Ничего необычного. Всего лишь пара незнакомцев решили украсть у меня кровь, а их настиг огромный черный супергерой. Классика.

— Что у вас здесь происходит?! — вбежал в камеру Круглов и, осмотревшись, обратился к до сих пор висящему в воздухе «синему»: — Кто вы такой?

— Пошёл ты! — выплюнул тот, барахтая ногами в воздухе и тщетно пытаясь освободиться.

— Так... доставь пленника в допросную и жди меня — сказал профессор «чёрному», и тот, развернувшись вместе с барахтающимся пленником в руках, вышел.

— Этого к медикам, — скомандовал Круглов в открытую дверь и добавил, — Если, конечно, в этом ещё есть необходимость...

Ещё двое в синих скафандрах, забежав в камеру, подхватили тело и потащили прочь.

— Что за день-то такой... — пробубнили динамики кругловского костюма, особо ни к кому не обращаясь, и профессор вышел вслед за ними.

Я сидел всё в том же положении. Действительно, день, а у кого-то и жизнь, начался далеко не с кофе. Да, кофе был бы сейчас очень кстати... Я глянул на руку. Ранка уже почти затянулась, но кое-что привлекло моё внимание. Моя кожа.

Она была серого цвета — ровного, однородного, без каких-либо корок или шероховатостей. Словно кто-то аккуратно разбавил мою естественную пигментацию пепельным оттенком по всему телу. А рядом с местом укола медленно таяли черные, хаотично расположенные прожилки.

И что всё это значит? Очередная необъяснимая особенность? Или надо мной уже начали проводить опыты? И что за люди прокрались ко мне во время сна? Вопросы множились, но ответов не было. Сейчас у меня были только серый цвет кожи, странный сон и ощущение, что всё только начинается.

Глава 4

В очередной раз оставшись наедине с собой, я начал анализировать всё произошедшее. Не будь я прикован, то начал бы мерить шагами комнату, но имеем то, что имеем. А имеем мы следующее: двое неизвестных, подгадав момент, решили меня обокрасть и забрать то единственное, что у меня есть, — биоматериал. А судя по тому, что это место засекречено, им теперь светит либо тюрьма, либо что похуже. По крайней мере, одному из них, ведь, судя по силе удара мужика в чёрном, второй нарушитель вряд ли уже сможет шевелиться.

Кстати говоря, а что это за чёрный тип? Учитывая специфику учреждения, у них, конечно же, должна быть охрана, но ведь не настолько радикально настроенная. А как он двигался! Ни одного лишнего шага или взмаха рукой — будто действительно робот.

А вот из-за всей этой суматохи я даже не смог досмотреть сон. Вспомнив о сне, я ощутил, как сердце начинает биться сильнее, а дыхание участилось. Тот луч света... Почему я уверен, что это меридиан? Меридиан ведь — это линия на карте, но никак не в космосе. Да и не должна она так сиять... Так, может, я всё-таки пришелец? Иначе откуда у меня в голове такие картины? А с чего я вообще взял, что это реальная картина? Сны — это ведь лишь игра подсознания, и, возможно, какая-то сцена из прошлого пробилась из недр психики и приняла облик космоса с лучом света.

Хоть я всё ещё был уверен, что сон — это ключ к моему прошлому, я решил воспринимать его не буквально, а как игру восприятия. Сейчас меня беспокоило ещё кое-что. Скосив глаза на свои руки, я увидел, что они вновь стали обычными. Да, очень бледными, но никак не серыми, как несколько минут назад. Прощупав внутренним взором эпидермис и более глубокие слои кожи, я не нашёл ничего, что могло бы объяснить столь необычное явление.

Я сразу отбросил вариант с проведением каких-либо экспериментов на мне: эти местные «головастики» даже подойти ко мне боятся. Получается, это новые причуды моего тела. Похоже на побочный эффект моего ускорившегося метаболизма, как и внезапная сонливость. Но если желание поспать можно объяснить перегрузом нервной системы, то этот фокус я объяснить не мог. По крайней мере, с точки зрения физиологии.

После сделанного вывода я поймал себя на мысли, что, обнаружив у себя новую необъяснимую фишку, я уже не удивлялся ей. Просто принимал как факт, как переменную, о которой не стоит забывать. Сколько ещё сюрпризов мне ожидать от своего тела? Не хотелось бы в самый неподходящий момент прилипнуть к стенам или начать, скажем, стрелять лазерами из глаз.

Мои размышления прервал очередной звук открывающейся двери, к которому я уже начал привыкать.

— Доброе утро, ну как вы тут? — в комнату вошёл Круглов и направился к своему креслу напротив меня. — Я прошу прощения за сегодняшний инцидент. Я надеюсь, нарушители не нанесли вам непоправимых увечий?

Я на секунду задумался: а видел ли Круглов, что я стал серым? И как долго я им был? По крайней мере, вида он пока не подаёт, значит, и я не буду.

— Нет, профессор, я в норме, если это можно так назвать, — я демонстративно покрутил кистями рук. — Хотя, признаться, чувствовать себя беспомощной куклой, пока какие-то типы тыкают в тебя иглами, — удовольствие ниже среднего.

Круглов остановился на полпути к креслу. Его фигура в герметичном скафандре выглядела массивной и отстранённой — за забралом невозможно было разглядеть выражение лица, а голос, искажённый динамиком, звучал ровно:

— Я искренне прошу прощения за этот инцидент. Это моя ответственность — и я её не оправдал.

— Виталий Завьялович, — я постарался говорить спокойно, но про себя удивился, как смог запомнить его имя, — вы же понимаете, что пока я прикован, я незащищён? Если те «сотрудники» решат вернуться — что помешает им забрать не пару миллилитров крови, а что-нибудь посерьёзнее? Тем более что я даже голову повернуть не могу, чтобы увидеть, кто ко мне подкрадывается!

Я с досадой дёрнул подбородком, но фиксатор на шее не дал даже чуть-чуть изменить угол обзора. Оставалось лишь смотреть прямо перед собой — на профессора.

Круглов помолчал. В тишине было слышно только мерное гудение системы вентиляции и слабое шипение его скафандра.

— Вы правы, — наконец произнёс он. — Это неприемлемо. Но я не могу просто взять и снять фиксаторы — у меня нет таких полномочий.

— Тогда помогите мне хотя бы минимально защитить себя, — я говорил, понимая, что иду в нужном направлении. — Я не прошу свободы — только перестать быть мишенью.

Профессор сделал несколько шагов вдоль стены, будто что-то обдумывал.

— Хорошо, — произнёс он после паузы. — Я запрошу разрешение на частичное снятие ограничений. Но учтите: это будет очень непросто. Руководство крайне осторожно относится к любым послаблениям.

— А если я предложу сотрудничество? — я говорил чётко и размеренно. — Я готов делиться информацией о своих ощущениях, реакциях, любых изменениях. Но для этого мне нужно хотя бы минимально контролировать ситуацию.

Круглов повернулся ко мне. За забралом ничего нельзя было разглядеть, но мне показалось, что он взвешивает варианты.

— Давайте договоримся так, — сказал он наконец. — Я сделаю всё возможное, чтобы добиться для вас свободы передвижения в пределах камеры. Но взамен попрошу вас: сразу сообщать мне о любых необычных ощущениях или изменениях в состоянии; не предпринимать никаких действий, которые могут навредить вам или окружающим, без предварительного обсуждения со мной; не препятствовать проведению исследований.

Я кивнул — насколько позволял фиксатор на шее:

— Согласен. И ещё... мне нужна информация. Я ведь даже не представляю, что это за мир. Без этих элементарных базовых знаний я не смогу понять ни себя, ни то, что со мной происходит.

Круглов слегка качнул головой.

— По мере возможности, — ответил он после недолгой паузы. — Я постараюсь делиться с вами всем, что не противоречит протоколу.

Затем, будто решая, стоит ли говорить дальше, он добавил чуть тише: — Но я могу попытаться дать вам доступ к учебной базе данных. Это протоколу не противоречит.

— Спасибо, Виталий Завьялович, — искренне сказал я. — Это уже что-то. — Пока не за что, — отозвался Круглов. — Как только получу одобрение руководства, сразу распоряжусь об ослаблении ограничений.

Я попытался улыбнуться — насколько позволяла фиксация головы: — Договорились. И спасибо, что хотя бы пытаетесь.

Круглов кивнул, сделал шаг к выходу, но остановился: — Я вернусь завтра. А пока... постарайтесь отдохнуть.

Дверь закрылась за ним. Моё ложе снова вернулось в горизонтальное положение, и я остался неподвижно лежать, глядя в потолок. Фиксатор на шее неприятно давил, но впервые за долгое время появилась надежда — пусть крошечная, но реальная. Нужно всего лишь пождать до завтра. Я ускорил синтез снотворных нейропептидов и провалился в глубокий сон, надеясь, что теперь-то его точно никто не нарушит.

Интерлюдия

Кабинет тонул в непроглядной тьме. Лишь холодный свет монитора прорезал черноту, выхватывая из неё силуэт человека в круглых, чуть затемнённых очках. От линз отражались мерцающие блики, придавая лицу загадочное, почти нечеловеческое выражение.

Он сидел в массивном кресле, расслабленно откинувшись, и поглаживал бородку. Взгляд был прикован к экрану, где шла запись с камер видеонаблюдения.

На записи — тускло освещённая лаборатория. В центре — угловатое кресло, к которому прикован человек. У входа в камеру — огромный «Чёрный», держащий в вытянутой руке барахтающегося человека в синем защитном скафандре.

Сейчас его мало беспокоил факт проникновения на объект посторонних, хоть это и казалось нонсенсом. Его взгляд был прикован только к человеку в кресле. Наблюдатель ткнул пальцем в сенсор, промотав запись на несколько минут назад. Теперь на экране был только прикованный человек: глаза закрыты, лицо расслаблено. Сверкнув очками, силуэт перед экраном чуть подался вперёд. Пальцы замерли на подлокотнике кресла, дыхание стало чуть реже. Мышцы лица оставались неподвижны, но внутри всё сжалось в тугий узел. Кожа человека на записи внезапно начала меняться. Появлявшиеся на ней тёмно-серые островки хаотично разрастались, сливались и вновь распадались, в итоге полностью изменив тон всей поверхности тела.

Он поставил запись на паузу и взял со стола папку с грифом «Гамма. Объект Пепел». Бегло пролистав её, он аккуратно вытащил из неё несколько листов и, открыв небольшой сейф в столе, спрятал их внутрь.

«Неужели это всё-таки он?» — мысль пронеслась в голове, острая и яркая, как вспышка. Он подавил внезапное волнение. Нет, нельзя поддаваться надеждам. Сколько раз уже казалось — вот он, нужный экземпляр... И каждый раз — только разочарование. Рисковать нельзя: ставки слишком высоки.

Мужчина встал, склонился над экраном и нажатием одной кнопки безвозвратно удалил запись.

Часть 2

Глава 1

Обед сегодня почему-то задерживался. Уже третий месяц с момента моего условного освобождения еду давали точно минута в минуту. Да, Круглов смог добиться послаблений — но с огромным списком правил, условий и деталей, в которые я особо не имел желания вникать, запомнив лишь основное.

Я был волен двигаться куда хочу, в любом направлении, даже вертикально — но только в пределах камеры. Фиксаторы на руках, ногах и шее остались, хотя и были отсоединены от кресла-кровати. Они нон-стопом считывали мои показатели и, как объяснил Круглов, могли в любой момент по приказу надзирателя, подобно магнитам, притянуть меня обратно к ложе и снова намертво приковать. Пока меня устраивал такой компромисс, но в будущем хотелось обрести полную свободу. Тем более что условия содержания медленно, но верно улучшались.

В первый день «свободы» мне выдали одежду — точнее, комбинезон: стандартный, ярко-оранжевый. Не совсем то, чего я ожидал, но прикрыть срам сойдёт. А ещё мы с Кругловым теперь в одной цветовой гамме — эта мысль меня невольно веселила.

Через несколько дней произошло настоящее чудо: меня перевели на твёрдую пищу. Подумать только — больше никакого мерзкого бульона из сахара и белка! Новая еда хоть и не была такой питательной, как та смесь, которой я питался в первые дни после «рождения», но вкусовые рецепторы ликовали от каждого укуса. Я ждал приёма пищи как праздника, несмотря на то, что трапеза состояла преимущественно из каш, синтезированного мяса и хлеба. Ещё одной отдушиной, помимо еды, стали беседы с Кругловым. Хоть они и проходили без чая и плюшек, меня это устраивало. После того как он узнал, что я владею знаниями в области анатомии, физиологии и ещё пары научных дисциплин — о которых я сам до того не подозревал, — его будто подменили. Замкнутый и осторожный до этого, он, казалось, увидел во мне нечто большее, чем просто объект исследования. Не друга, но как минимум интересного собеседника. Настолько интересного, что, бывало, обсуждал со мной мои же анализы крови и энцефалограммы.

Помимо Круглова, ко мне заглядывали и другие люди в скафандрах. К каждому из них я испытывал лёгкое недоверие и настороженность. Кто знает — может, это снова нарушители, и на этот раз у них более серьёзные намерения? Но они не подходили ближе чем на метр и не прикасались, проводя измерения на расстоянии. Это меня вполне устраивало. Боялись ли они — или таков был приказ сверху? Этого я так и не узнал. Забор биоматериала проводил только профессор Круглов в своём неизменном оранжевом скафандре.

От него же я между делом узнал, что те негодяи, которые так бесцеремонно прервали мой первый в жизни сон, действительно были не из местных. Первый нарушитель, орудовавший иглой, активировал специальный имплант в теле и моментально умер, так и не дожив до допроса. Второй же погиб ещё в камере от удара «чёрного». Их личности не удалось установить, даже учитывая возможности организации, взявшей меня под крыло. Вся эта история вызывала тревогу. Зачем идти на такие жертвы ради капли моей крови? Ещё один вопрос без ответа в моём списке.

Кстати, о «чёрных». Я смог узнать лишь то, что это охрана высочайшего класса, без изъяснов. Буквально. Они быстры, сильны, не знают усталости и любой ценой выполняют поставленную задачу, какой бы сложной она ни была. Две такие «машины» круглосуточно дежурили у входа в камеру — и это, как ни странно, сделало мой сон спокойнее.

Сны за всё время мне снились редко. И Меридиан там больше не появлялся. Вместо него — обрывки событий, никак не связанных друг с другом: дети, бегающие по полю; сражающиеся на мечах средневековые рыцари; армады звёздных кораблей в космосе; а иногда даже голые женщины... Последнее меня особенно радовало. Всё это напоминало склейки кадров из кинофильмов самых разных жанров, никак между собой не связанных, отчего я уже на второй неделе перестал их запоминать и анализировать.

Днём же я изучал информацию о мире вокруг. Знакомясь с историческими справками и дойдя до кризиса 90х годов, я не ощущал ничего необычного: этапы развития человечества, революции, войны — всё это было мне как будто знакомо. Но дальше... Дальше каждая новая крупная информация заставляла меня всё выше поднимать брови от удивления. В конце XX века, когда страна уже катилась под откос, прорывная технология «литоморфного формования» перевернула мировую экономику: теперь здания можно было возводить из обычного песка и камня за считанные часы — без техники и рабочих рук, с минимальными затратами энергии. Россия, обладающая монополией на эту технологию, инициировала создание Евразийской конфедерации. Бывшие советские республики и ряд соседних государств объединились вокруг общего проекта возрождения: масштабные стройки, освоение новых территорий и беспрецедентный экономический рост превратили конфедерацию в новый мировой центр силы. А истоки этой технологии остаются загадкой до сих пор. По официальной версии, за её возникновение ответственен некий засекреченный Научно-исследовательский институт, руководство которого после развала СССР решило по доброте душевной поделиться своими разработками с народом. Но население, конечно же, в это не верило и порождало самые нелепые теории: от сделок с дьяволом до вмешательства пришельцев. А я же помнил совсем другую историю. В том мире подобных технологий не существовало, и история пошла по совсем иному пути, более приземлённому, достигла определённых высот, но и рядом не стояла с Евразийской конфедерацией.

Всё это натолкнуло меня на одну мысль — настолько неожиданную, что я замер, переваривая её. Что, если я прибыл вовсе не с другой планеты... а из другой вселенной, параллельного мира, если угодно. Но как такое возможно? Это ведь какая-то фантастика... Хотя не мне, «повелителю пептидов и желудочных соков», рассуждать о фантастике.

И если всё действительно так, то почему я здесь? Как сюда попал? И как с этим связаны мои, так сказать, таланты? Несмотря на множество вопросов, вытекающих из этой теории, она казалась самой жизнеспособной. По крайней мере, более реальной, чем прибытие из космоса.

Ну и о своих способностях я, конечно, не забывал. Всё так же регулярно проводил мониторинг организма и иногда аккуратно подталкивал или замедлял метаболизм. За несколько недель я научился анализировать состояние тела с минимальной концентрацией, не отключаясь от внешнего мира. Метаболизм использовал по минимуму — помня, как он выматывает меня, — лишь вытягивал из пищи чуть больше нутриентов и, играя с биоматериалом, варьируя его состав и делая менее привлекательным для исследований. Это позволяло мне не вызывать излишнего интереса к своей крови, слюне и другим продуктам жизнедеятельности. Единственное, что было мне неподвластно, — изменение цвета кожи. Она серела в местах повреждений и после использования метаболизма. И скрыть это не удавалось. Загадка была ещё и в том, что учёные упорно игнорировали этот факт — как будто каждый день видят серых людей. Но первым этот вопрос я поднимать не решался — я здесь всё-таки гость.

Вопреки ожиданиям, список вопросов лишь рос. По истечении трёх месяцев я знал о себе немногим больше, чем в первые минуты жизни. С каждым днём я всё меньше верил в то, что эта загадочная контора поможет мне разобраться в ситуации. Провести всю жизнь в неведении, запертым в конуре — пусть и довольно комфортабельной — совсем не хотелось. Видимо, в скором времени придётся брать всё в свои руки. Осталось только понять, как...

А тут ещё и обед задержали почти на целый час!

И вот, наконец, с привычным шипением открылась гермодверь моих апартаментов. Вошёл Круглов. Но вместо ожидаемого подноса в руках он держал длинный плоский свёрток. Я вопросительно посмотрел на него.

— Переодевайся, Сергей. Сегодня у тебя важный день, — сообщил он мне, протягивая пакет. — И лучше поспеши. Ждать там не любят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.